

Уголовно-правовая политика Польской Республики в отношении украинских националистических формирований в межвоенный период (1918 – 1939 гг.)

The criminal law policy of the Polish Republic in relation to Ukrainian nationalist formations in the interwar period (1918 – 1939)

Ладыга А.И.

Канд. ист. наук, доцент, майор полиции, начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Воронеж
e-mail: kafedra.tigp@bk.ru

Ladyga A.I.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Police Major, Head of the Department of State and Civil Law Disciplines, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Voronezh
e-mail: kafedra.tigp@bk.ru

Аннотация

В статье автора, с использованием впервые введенных в научный оборот архивных материалов, осуществлен анализ актуальной проблемы исследования, обусловленной необходимостью правовой квалификации борьбы украинских националистов с польским государственным режимом. За основу берется квалификация действий, учитывая нормы характера *jus cogens* международного права и международного гуманитарного права. Аргументированная надлежащим образом, без предвзятого подбора фактов, политико-правовая квалификация борьбы украинских националистов позволила определить в научно-практическом понимании характер националистического движения. С другой стороны, исследование актуально прежде всего из-за отсутствия комплексных научных исследований украинского националистического движения в историко-правовом поле. Следовательно, представленная в статье историко-правовая характеристика украинского националистического движения, с одной стороны, и правоприменительной практики государственных режимов в борьбе с украинскими националистами, с другой, является одной из важных и чрезвычайно актуальных проблем отечественной юридической науки.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, политико-правовой режим Польского государства, политическая преступность, украинское националистическое движение.

Abstract

Using archival materials introduced into scientific circulation for the first time, the author's article analyzes an urgent research problem caused by the need for legal qualification of the struggle of Ukrainian nationalists against the Polish state regime. The qualification of actions is taken as a basis, taking into account the norms of the nature of *jus cogens* international law and international humanitarian law. Properly reasoned, without biased selection of facts, the political and legal qualification of the struggle of the Ukrainian nationalists made it possible to determine the nature of the nationalist movement in a scientific and practical understanding. On the other hand, the study is relevant primarily due to the lack of comprehensive scientific research of the Ukrainian nationalist movement in the historical and legal field. Consequently, the historical and legal

characteristics of the Ukrainian nationalist movement presented in the article, on the one hand, and the law enforcement practice of state regimes in the fight against Ukrainian nationalists, on the other, are one of the important and extremely urgent problems of domestic legal science.

Keywords: criminal law policy, political and legal regime of the Polish state, political crime, Ukrainian nationalist movement.

Введение

В современной западной и украинской историографии, в ущерб объективной истине, говорится о принижении прав национальностей в Советском государстве, хотя, на самом деле, им были предоставлены беспрецедентные права и возможности в рамках реализации политики коренизации и украинизации. Ничего подобного мы не встречаем ни во внутренней политике Румынии, Польши, ни даже Чехословацкой республики. Украинские ученые и политики, пытаясь обосновать «прелести жизни в единой европейской семье», не только действуют непрофессионально, но и сознательно лишают свой народ возможности осознать предыдущий политико-правовой опыт, исключить ошибки интеграции в будущем.

Европейские революции 1917–1919 гг., уничтожив империи, увеличили в этой части света количество государств на треть, создали новые качественные условия геополитического сосуществования. Была создана Версальско-Вашингтонская система международных отношений, определившая границы и территории новых государств. В этом контексте земли Малороссии и бывшие западные губернии Российской империи имели исключительное значение, так как на этих территориях пересекались интересы крупнейших европейских стран.

Еще во время Первой мировой войны политики западных стран расценивали как опасный вызов действия первого Советского правительства, провозгласившего после Октябрьской революции 1917 г. в качестве одного из главных принципов своей политики право наций на самоопределение. Большевики искренне пытались разрушить империализм и его геополитический диктат путем поддержки национально-освободительного движения в колониях Великобритании, Франции, Голландии и др.

«Идеологическим противовесом» ему должна была стать программа американского президента Вудро Вильсона, основой которой был «принцип национальности» [19, с.126]. На самом деле под данным принципом В. Вильсон скрывал собственные политические цели. Он стремился обеспечить американскому капиталу свободное проникновение в колонии европейских государств после их освобождения из-под колониального гнета. Неограниченные возможности американских финансистов и производителей промышленной продукции в послевоенном мире позволяли «подвинуть старых колониалистов» и подчинить себе «третий мир» уже средствами неоколониализма.

Правда, даже в ближайшем окружении В. Вильсона не все разделяли его энтузиазм по реализации концепции. Например, госсекретарь США Роберт Лансинг в своем дневнике писал, что понятие «самоопределение» имеет свойства динамита. Он отмечал, что реализация этого принципа приведет к гибели тысяч людей. Лидеры стран-победительниц, Англии и Франции, шли на этот шаг вынужденно, планируя в начале войны совершенно противоположное [19, с.127].

В то же время реализовать данный принцип на практике оказалось достаточно сложно. Во время работы конференции оказалось, что реализовать вильсоновскую концепцию, т.е. создать или реорганизовать государства в соответствии с национально-этническими ареалами народов, невозможно. Каждое новообразованное государство, воспроизводило в миниатюре империю, в составе которой находились национальные меньшинства недовольные своим положением уже в новых государствах. Поэтому новые западные правительства, в отличие от большевиков, не признавали за народами права на самоопределение, реализовывая его лишь для титульной нации. Западным ученым неловко говорить, но в их странах победили идеологии великодержавного шовинизма

титulyной нации по отношению к национальным меньшинствам, в большинстве случаев это вело к массовому террору, репрессиям и геноциду [14, с.19].

Вследствие такого произвольного, государственно-национального разграничения в Европе возникли районы с компактным проживанием этнических меньшинств – немцев в Польше и Чехословакии, венгров – в Чехословакии, Румынии и КСХС (будущей Югославии), восточных славян в Польше. Так, в 27-миллионной Польше треть составляли группы меньшинств: русины, белорусы, немцы, литовцы и более 3 млн евреев, а территория западных русских губерний составляла 50% территории Польши [12, с.223]. Чехословакия также представляла смесь национальностей, самой многочисленной из которых были чехи. Лидер Чехословацкого национального совета Томаш Масарик в США подписал с эмигрантами – представителями национальных меньшинств Чехословакии – договор о поддержке Объединения чешских, словацких и закарпатских земель в обмен на автономию национальных меньшинств на объединенной территории. Но на практике доминирование чехов над словаками имело неприкрытые формы, а о закарпатских русинах нечего и говорить – они не получили обещанного самоуправления [27, с.110].

Актуальность исследуемой проблемы

Исследование актуально, прежде всего, в связи с отсутствием комплексных научных исследований украинского националистического движения в историко-правовом поле. Следовательно, представленная в статье историко-правовая характеристика украинского националистического движения, с одной стороны, и правоприменительной практики государственных режимов в борьбе с украинскими националистами, с другой, является одной из важных и чрезвычайно актуальных проблем отечественной юридической науки.

Материал и методы исследования

В исследовании использовался комплекс общенаучных и специально-правовых методов. В частности, диалектический метод дал возможность оценить особенности и закономерности эволюции украинского националистического движения, форм и методов его борьбы. С целью объективной реконструкции и интерпретации событий, использовались методы историзма, аналитический метод, проблемно-хронологический метод и др. Ключевое место занимает метод политико-правового анализа, который заключается в сопоставлении форм и методов борьбы украинского националистического движения с нормативно-правовой регламентацией вопросов национальной жизни по законодательствам стран, против режимов которых боролись украинские националисты, а также с международно-правовыми нормами регулирования национально-освободительной борьбы.

Результаты исследования и их обсуждение

После «реорганизации» границ и создания новых государств в Европе возникла острая проблема восстановления предыдущих экономических связей. Перекраивание границ по национальным признакам, по мнению исследователей, на их удивление, никак не способствовало восстановлению экономической стабильности на континенте, а наоборот, усложнило ситуацию. В Европе появилось 28 новых валют вместо 14 довоенных и дополнительно 13 000 миль новых границ, отделивших многочисленные предприятия от традиционных источников сырья, металлургические заводы от угольных бассейнов, сельскохозяйственные районы от рынков сбыта продукции [28, с.919].

Таким образом, в начале 1920-х гг. в сфере политики доминировала, хотя бы формально, концепция установления границ государств по принципу этнонациональных ареалов. Правда, действовала она только в случае образования государств на территориях, которые были в составе империй и потерпели поражение в результате событий Первой мировой войны. Зато победители, прежде всего Франция, отказались от плебисцитов на собственных землях, как-то в Эльзасе и Лотарингии. В результате реорганизаций

довоенных империй в Европе западные восточнославянские земли оказались в составе четырех государств: УССР (вошедшей позже в СССР), Польши, Чехословакии и Румынии.

Если в Советском Союзе царила полная демократизация политико-правового режима с созданием национальных республик и политикой коренизации и украинизации в 1920-х гг., то в Польше и Румынии отношение к национальным меньшинствам носило тоталитарные черты. Несколько мягче все происходило в авторитарной Чехословакии.

Наибольшим по численности и ареалу проживания в составе иностранных государств (если не считать суверенной УССР) было восточнославянское население межвоенной Второй Речи Посполитой. Как поляки, так и русины почти до конца Первой мировой войны были без государства и воспользовались шансом создать государства во время боевых действий. Образовав собственные государственные институты, эти два уже государственных соседа начали боевые действия между собой на территории западных губерний России, которые, по мнению поляков, были «исконной» польской территорией.

Заручившись поддержкой Франции, польская армия победила квази-объединения УНР и ЗУНР. Франция предпочла видеть Польшу сильным государством-противовесом Германии, с которой у нее за последнее столетие было две масштабных войны. Кроме того, правительство Украинской «Народной» Республики во главе с С.Петлюрой, как это происходит и сейчас, «порешало» 21.04.1920 г. в Варшаве судьбу этого этнического региона, отдав его полякам за «возможность быть в братской Европе и вести совместную войну с большевистской Россией» [7, с.16].

УНР и ЗУНР потеряли суверенитет, положив его на алтарь русофобии. В Советско-польской войне 1920 г. Польша чуть не потеряла вновь обретенную государственность, а Советская Россия – треть своей армии. Но Польша и РСФСР поладили между собой. В Риге 13 октября 1920 г. правительства большевистской России и Советской Украины совместно с Польшей объявили, что государственно-территориальный статус бывших западных губерний России должен определить их население на свободном плебисците. Но Польша нарушила свои договорные обязательства перед Советской Украиной, не говоря уже об обязательствах перед С.Петлюрой. Процесс аннексии сопровождался массовыми выступлениями русинов против присоединения земель к Польше. Причем акции протеста наблюдались как в Советской Украине, так и непосредственно на западных землях [2, с.44]. В то время участники украинских военно-националистических формирований были интернированы [11, с.46], поэтому помешать было некому.

Административно-правовой статус бывших русских земель в составе Польши регулировался рядом правовых актов, в первую очередь рижскими мирными договорами (12.10.1920 г., 18.03.1921 г.) [15]; Конституцией Польши (17.03.1921 г.) [22], Законом «О воеводской автономии» (26.09.1922 г.) [29], постановлением Совета послов стран Антанты (14.03.1923 г.) [8, с.94], Конституцией Польши (23.04.1935 г.) [23].

Анализируя эти нормативно-правовые акты, укажем, что определение государственно-правового статуса западных губерний России и ее коренного населения прошло два основных этапа:

1) Правотворческая деятельность польских властей в нач. 1920-х гг., направленная на предоставление оккупированным территориям статуса с элементами автономии, их населению – отдельные права «для реализации национально-культурных потребностей», что делалось для внешнеполитического эффекта – признание мировым сообществом оккупированных территорий окончательно польскими (летом 1919 г. страны-победительницы разрешили Варшаве временную оккупацию территории ЗУНР, до будущего плебисцита).

2) Ограничение автономных прав русинов в составе Польши и затем их полнейшая отмена для ускорения полонизации национальных меньшинств, особенно коренной.

Считаем, что польская власть в западных российских землях была нелегитимной, уже по крайней мере потому, что нарушала основополагающие международные обязательства Польши (которые стали предпосылкой согласия стран-победительниц на временное (1919 г.)

и постоянное, на правах автономии (1923 г.), включение западных губерний России в состав Второй Речи Посполитой).

Следовательно, польское законодательство о статусе нацменьшинств, по мнению даже умеренных юристов того времени, было необязательным для соблюдения, поскольку нарушало законные права и жизненные интересы. Колониальная политика Польши в отношении коренного населения обусловила с самого начала его устойчивое негативное отношение к оккупантам [11, с.46].

В июле 1920 г. в среде бывших офицеров ЗУНР и УНР под руководством Е. Коновальца возникла идея перехода на новые организационные формы борьбы и создание новой ячейки для руководства украинским националистическим движением. Тогда на заседании «Стрелецкой Рады», которое состоялось в Праге, саму «раду» как руководящий орган было решено распустить и в условиях сложившегося политического и административно-правового положения создать новую организацию, которая бы возглавила радикальное военно-террористическое крыло украинской политики. Поэтому именно июль 1920 г. считается националистами датой создания первой украинской националистической организации в межвоенный период [1, с.37] под официальным названием «Украинская военная организация» (УВО).

После создания данной организации встал вопрос о средствах достижения провозглашенных целей. Анализируя предыдущий опыт борьбы, сопоставляя реальные возможности и реальные цели организации, «начальствующая команда УВО» избрала средством борьбы подпольно-революционную для реализации «миссии армии в подполье» [17, с.378].

На почве восприятия и чрезвычайно быстрого распространения нацистских и фашистских идей в Галиции и Волыни, в эмигрантской среде в 1920-х гг. возникло множество различных националистических организаций, среди которых самыми активными и агрессивными были: «УВО», «Группа националистической молодежи» с центром в Праге, «Легиа (Легион) украинских националистов» с центром в Подебрадах (Чехословакия) и «Союз украинской националистической молодежи» в Галиции и Волыни [10, с.18]. Все названные организации занимались распространением идей украинского национализма.

Непосредственно «финансировалась с агентурными целями» официальными польскими властями только УВО. Пытаясь получить власть на этих территориях любым способом, УВО во главе с Е. Коновальцем, кроме пропагандистской деятельности, прибегала и к тактике террора и саботажа. Это было связано, прежде всего, со следующими факторами: фактами репрессий польских властей против бывших участников армий УНР и ЗУНР; началом колонизации Галиции и Волыни переселенцами из центральных и западных районов Польши (так называемых осадники), которые получали до 45 га земли на семью. За первые 10 лет среди осадников было распределено 600 284 га земли, а за 20 лет оккупации Польшей русских земель только в сельские районы края переселилось из Польши около 200 тыс. поляков-осадников. Государственная политика осадничества сопровождалась запретом преподавания в школах и гимназиях на языке нацменьшинств и другими нарушениями прав населения в составе Польши [12, с.224].

Это были элементы колонизаторской политики польских властей, нарушавшие имущественные и национально-культурные права местного населения, неприкосновенность которых фиксировала Конституция Польши 1921 г. и другие законы, и международные договоры, участниками которых была Польша [25].

УВО, как преемница идей С. Петлюры, обозначила стремление любыми методами получить власть, хотя бы и ценой жизни народа. Некоторые их боевые акции были направлены на вызов широкого политического резонанса к национальной проблеме, хотя большинство из них были направлены на экспроприацию средств из государственных польских учреждений, имевшие характер вооруженных нападений с целью захвата денежных средств. Эти действия имеют признаки уголовного преступления, как известно из архивных документов следственных отделов польской полиции [9]. Сугубо криминальный

характер этих акций оспаривается украинскими юристами, «...поскольку УВО не совершала такого рода действия только против гражданского польского населения, а в первую очередь, против государственных учреждений Польши, за исключением осадников».

Итак, против польских властей и поляков УВО применила два главных средства борьбы: пассивный и активный террор [20, с.34]. Пассивный террор, т.е. различные формы бойкота распоряжений польских властей, имел целью втянуть и организовать на борьбу широкие массы населения. Активные формы террора – главным образом боевые акции – выполняли, как правило, члены УВО, не часто привлекая к террористическим акциям мирное население. Также одним из методов ведения борьбы с поляками было применение так называемых бойкотов, которые парализовали на время экономическую жизнь региона. Наиболее заметными были бойкоты первой половины 1920-х гг.

Радикальная позиция УВО в методах борьбы была обусловлена и концептуальным подходом к «русинскому» вопросу польской власти и ведущих политических кругов Польши 1920-х–1930-х гг. Еще до начала Первой мировой войны в политических концепциях польских политиков сформировались агрессивные доктрины в отношении земель западных губерний России. Основные принципы этих доктрин, по свидетельству польских исследователей, базировались на убеждении в необходимости возрождения польского государства в средневековых границах, где русские земли станут органической частью Речи Посполитой [24].

В межвоенное время доминировали две концепции по этому вопросу: «народно-демократическая» концепция Р. Дмовского и концепция Ю. Пилсудского. Несколько позже оформилась «прометеевская» концепция.

Концепция польского политика межвоенного периода Р. Дмовского заключалась в обосновании присоединения русских земель к польскому государству, т.е. инкорпорации. Основным аргументом стала так называемая «неисторичность» украинцев, а, соответственно, и право на государство для народа не существовало.

По мнению Р. Дмовского, «там, где мы можем приумножить свои силы и свой цивилизационный труд, поглощая другие элементы, ни одно право не может запретить нам этого, а действовать так – это наш долг» [21, с.210]. К. Дмовский обосновывал право на инкорпорацию этих территорий в состав Польши на Парижской конференции в 1919 г. [21, с.213].

Официальная позиция по украинскому вопросу фактического руководителя польского государства Ю. Пилсудского заключалась в игнорировании украинского вопроса на геополитической карте Европы [26, с.251]. Концепция Ю. Пилсудского заключалась в создании мощного Польского государства за счет бывших русских земель, тем самым «развитии форпоста перед распространением большевизма в Европу» [24, с.108]. Поэтому полонизация была выведена в ранг государственной политики и приобрела тотальный характер.

Великодержавный и шовинистический характер носила «прометеевская» концепция. Она предусматривала создание Украины, однако без Галиции и Волыни. Государство, наравне с белорусским, армянским, грузинским и т.п., должно было со временем предстать на обломках СССР, а Польша должна была сыграть ведущую («прометеевскую») роль в формировании новых национальных государств – с тем, чтобы превратиться в регионального лидера, доминирующей силой в Европе, противостоящей ослабленной России [24, с.119].

Следовательно, официальная позиция польских властей в отношении населения западных губерний России в составе Польши носила шовинистический характер, право на государственность народов отвергалось. Так же и ведущие политические партии не признавали права народов на создание государств, более того, отвергали права национальных меньшинств в составе Польши. Эти подходы активно внедрялись в политическую практику Польши в 1920-х-1930-х гг. Поэтому констатируем грубые

нарушения польского законодательства и международных обязательств Польши в отношении национальных меньшинств.

Активизацию украинского националистического движения, представленного УВО в 1920-х гг. и созданной в 1929 г. Организацией украинских националистов (ОУН), обусловили именно эти факторы – откровенные нарушения прав национальностей в Польше [13, с.362]. Характерным примером политики насильственной полонизации стал закон об ограничении применения языков национальных меньшинств – *Lex Grabski* 1924 г., назван в честь министра-инициатора С. Грабского. Уже в 1925 г. для реализации этого закона польское правительство издает специальное постановление «*Polonizacja ruskiej średnich szkół*», с целью интенсификации вытеснения языков нацменьшинств из образования.

В тогдашних отчетах польской полиции отмечалась волна массового протеста молодежи, особенно во Львове [3, Л. 3], но власти, несмотря на это, продолжали активно вести политику в этом направлении. При этом грубо нарушались права населения, зафиксированные в Рижском мирном договоре 1921 г., Конституции Польши 1921 г. и Законе о воеводской автономии 1922 г. В ответ «Украинская Военная Организация» вынесла смертный приговор активисту политики полонизации. Члены УВО Б. Подгайный и Р. Шухевич 19 октября 1926 г. в г. Львове застрелили школьного куратора, поляка С. Сабинского. Не понимая сути происходящего, в воспоминаниях террористы ОУН жаловались, что «...польский суд ошибочно осудил на пожизненное заключение других боевиков УВО, но, даже после признания настоящих исполнителей убийства, приговор невиновным не отменил» [8, с.76-79]. Интересный подход. Они действительно считали боевиков террористической организации невиновными?

Новым толчком к арестам украинских националистов стало появление в 1927 г. массового печатного органа УВО «Сурма» (Труба), который быстро приобрел чрезвычайную популярность среди украинских радикалов, публикации которого передавались подпольно из рук в руки. «Сурма» выходила вначале в Германии, затем в Чехословакии и Литве. Она содержала украинские националистические статьи, с террористическими призывами, обзоры текущих событий и т.п. [18]. Документы следственных отделов польской государственной полиции содержат данные об арестах 13 молодых людей, которые имели экземпляры этого издания и занимались ее распространением [4, Л. 3].

Это, в свою очередь, вело к росту напряженности в этих регионах. В отчете Министерства внутренних дел о жизни национальных меньшинств в Польше (раздел: *SPRAWY NARODOWOSCI RUSKIEJ, za okres grudzien 1926 – marzec 1927*) указывается, что характер настроений к польской власти – чрезвычайно враждебный, отмечается благосклонное отношение к немцам и германскому государству, укрепление которого, в противовес польскому, провоцирует международную напряженность в Европе [6, Л. 14-18].

«Украинская военная организация» финансировалась государствами, недружественно настроенными к Польше и СССР. Спецслужбы веймаровской, а в дальнейшем и гитлеровской Германии, Чехословакии, Литвы на взаимовыгодных условиях сотрудничали с УВО, предоставляя им агентурную информацию и оружие [17, с.378]. Финансирование УВО осуществлялось усилиями и ее членов (сбор добровольных пожертвований, экспроприации, разбойные нападения, кражи), при тайной помощи западноукраинских легальных партий, получении поступлений из специальных эмигрантских фондов [5, Л. 1-3].

В 1929 г. в Вене была создана более широкая в политическом и организационном отношении националистическая организация – «Организация украинских националистов» (ОУН) во главе с Е. Коновальцем, который некоторое время оставался руководителем параллельно существующей в составе ОУН УВО.

ОУН имела устав и разветвленную организационную структуру в землях Второй Речи Посполитой и в некоторых соседних государствах, за исключением СССР [16, с.9]. ОУН, в отличие от глубоко законспирированной УВО, должна была стать массовой, полулегальной организацией, которая бы вела революционную борьбу политическими методами. Польские

исследователи утверждают, что становление ОУН и ее активизация в период между двумя мировыми войнами не были основной причиной противостояния. Эти причины охватывали все общественные отношения, среди которых – права национальных меньшинств, желание обоих антагонистов любыми средствами удержать или получить неограниченную власть в этом регионе.

Выводы

В итоге укажем, что политико-правовые особенности противостояния польского политического режима и украинских националистов обусловлены противоположностью подходов к реализации уже признанного в международном праве межвоенного периода права народов на самоопределение. Польша, в состав которой вошли русские земли, придерживалась шовинистического тоталитарного подхода относительно прав народов на самоопределение, проводили политику ассимиляции. Это и повлекло развитие националистического движения в рамках старого немецко-австрийского проекта Первой мировой войны «Украина – не Россия», с новым адаптированным содержанием и щедрым финансированием, материальной и агентурной поддержкой.

В Польше противостояние имело характер острой, кое-где вооруженной, борьбы украинских националистов против польских властей и польского населения. Для реализации властных амбиций украинское националистическое движение осуществляло силовые, вооруженные, террористические акции, объясняя и оправдывая их желанием «построить государство».

По своим историко-правовым характеристикам украинский национализм межвоенного (1918-1939) периода, военных и послевоенных лет близок к таким националистическим течениям, как движение усташей в Югославии, салашистов в Венгрии, «Железной гвардии» в Румынии. Последние также прибегали к тактике террора против других национальностей и официальных властей, не отвергали вооруженные методы борьбы, допускали тактические соглашения и взаимовыгодное сотрудничество с иностранными государствами и их спецслужбами.

Литература

1. Баган О. Націоналізм і націоналістичний рух: Історія та ідеї. – Дрогобич: Відродження, 1994. – 192 с.
2. Відозва ЦК КПЗУ до трудящих з закликом боротися за возз'єднання Західної України з Радянською Україною // Национальные процессы в Украине / Под ред. проф. В.Ф. Панибудьласки. – К., 1997. – Ч. II. – 704 с.
3. Государственный архив Львовской области (далее – ДАЛО). – Ф. 110. – Оп. 4. – Дело 867. Львовская Воеводская управа Государственной полиции. Отчет о результатах выполнения приказа Polonizacja ukraińskich szkół.
4. ДАЛО. – Ф. 121. – Оп. 3. – Дело 97. Львовская Воеводская управа Государственной полиции. Следственный отдел. Информация уездных управлений о распространении украинской политической прессы – «Сурма».
5. ДАЛО. – Ф. 1245. – Оп. 1. – Дело 77. Указание исполнительного комитета Организации Украинских Националистов в Берлине о сборе средств для проведения празднования дня рождения гетмана Скоропадского.
6. ДАЛО. – Ф. 1. – Оп. 52. – Дело 700. Sprawozdanie z życia mniejszości narodowych w Polsce za okres grudzień 1926 – marzec 1927. Sprawy narodowości ruskiej.
7. Договор между правительством Польской Республики и правительством С. Петлюры. 21 апреля 1920 г. Варшава // Україна у міжнародних відносинах. Договори, декларації, документи (1917–2000 рр.). – Рівне: «Волинські обереги», 2000. – 261 с.
8. Дужий П. Роман Шухевич – політик, воїн, громадянин. – Л.: Галицька Видавнича Спілка, 1998. – 256 с.

9. Из истории оперативной деятельности органов государственной безопасности СССР в предвоенные годы (октябрь 1938–июнь 1941 гг.). Сбор-к документов. – М., 1962. 413 с.
10. Книш З.М. Становлення ОУН – К.: Либідь, 1994. – 242 с.
11. Коновалець Є.М. Причинки до історії Української революції. –2 вид. – Б.м.: Накладом Проводу Українських Націоналістів, 1948. – 47 с.
12. Кульчицкий В.С., Тищик Б.И. История государства и права: Учеб. пособ. – К.: Аттика, 2001. – 318 с.
13. Мамонтов І.О. До питання про політико-правові засади діяльності Української Військової Організації в Польщі у 20-х роках ХХ століття / І. О. Мамонтов // Научные записки / Сборник. – 2005. – № 27. – С. 360–370.
14. Мамонтов І.О. «Пацифікація» – правовий аналіз геноциду польської влади щодо українського народу у 20-х рр. ХХ ст. / І.О. Мамонтов // Тези доповідей 65-ї науково-практичної конференції Київського національного університету будівництва і архітектури, (м. Київ, 20-22 квітня 2004 р.); [у 4-х ч.]. – К., 2004. – Ч. 1. – С. 18–19.
15. Мирный договор между Россией и Украиной с одной стороны, и Польшей – с другой. 18 марта 1921 г., г. Рига // Україна у міжнародних відносинах. Договори, декларації, документи (1917–2000 рр.). – Рівне: «Волинські обереги», 2000. – 261 с.
16. ОУН в світлі постанов Великих Зборів, Конференцій та інших документів з боротьби (1929–1955 рр.): Збірка документів. – Серія «Бібліотека Українського Підпільника». – Ч. 1. – (б.м.): Видання ЗЧ ОУН, 1955. – 372 с.
17. Семененко В.И., Радченко Л.А. История Украины с древнейших времен до наших дней. – 3-е изд., исп. и доп. – Х.: Торсинг, 2003. – 480 с.
18. Сурма. – 1929. – Травень.
19. Сыч А.И. Национальный аспект Версальской системы // Вопросы истории. – 2004. – № 1. – С. 126–127.
20. Федик І. УНДО, ОУН: ставлення до Польщі / І. Федик. – Львів: (б.в.), 1998. – 80 с.
21. Dmowski R. Wybór pism Romana Dmowskiego. – Т.4. – Nowy Jork, 1988. – 319 p.
22. Konstytucja Rzeczypospolitej z dnia 17 marca 1921 r. [Text]. — Lwów; Warszawa: Atlas, 1926. — 136 s.
23. Konstytucja Rzeczypospolitej z dnia 23 kwietnia 1935 r. – Białystok, 1935. – 96 s.
24. Mikulicz S. Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej. – Warszawa, 1971. – 314 s.
25. Nasza Konstytucja. Cykl odczytów urządzonych staraniem dyrekcji szkoły nauk Politycznych w Krakowie od 12–15 Maja 1921 r. Przy udziale: Wład. Abrahama, Tad. Dwernickiego, Stan. Estreichera, W. Jaworskiego. St. Kutrzeby, M. Rostworowskiego. St. Wroblewskiego i Fryd. Zolla. – Krakow: Nakładem autorów, 1922 – 228 s.
26. Piłsudski J. Memoriał złożony Ministerstwu spraw zagranicznych w Tokio 13.07.1904 / Pisma zbiorowe: w 10 t. – Т.2. – Warszawa, 1937. – S. 249–257. [Електронний ресурс] Режим доступа: // <http://www.abcnet.com.pl/node/1014>.
27. Shoemaker M. W. The Soviet Union and Eastern Europe 1990. – Washington Harpers Terry. 1990. – P. 109 – 110.
28. Spielvogel J. J. Western Civilization. Vol. II. Since 1550. – Minneapolis et al. 1997. – 1156 p.
29. Ustawa o zasadach powszechnego samorządu wojewódzkiego, a w szczególności województwa lwowskiego, tarnopolskiego i stanisławowskiego z dnia 26 września 1922 roku // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1922. – № 90. – Poz. 829. – S. 1553–1555.